Харламповичъ К. В.

МАЛОРОССІЙСКОЕ ВЛІЯНІЕ НА ВЕЛИКОРУССКУЮ ЦЕРКОВНУЮ ЖИЗНЬ.

Томъ I.

КАЗАНЬ.
Изданіе Книжнаго магазина М. А. Голубева.
1914.

Къ этому времени въ юго-западной Руси существовала цѣлая сѣть среднихъ школъ, не говоря о множествѣ низшихъ училищъ, тогдашнихъ школъ грамоты, которыми была богата и московская Русь. Иныя изъ этихъ западнорусскихъ школъ, сослуживъ свою службу, успѣли прекратить свое существованіе, какъ старѣйшая изъ нихъ—острожская. Другія ослабѣли въ своихъ средствахъ и дѣятельности, какъ нѣкоторыя изъ братскихъ школъ, которыя находились въ крупнѣйшихъ торговыхъ городахъ: Львовѣ, Вильнѣ, Брестѣ, Минскѣ, Могилевѣ, Луцкѣ и другихъ, и уже потому могли быть знакомы московскому обществу чрезъ тамошнихъ купцовъ. Но всего болѣе могла быть извѣстна кіевская школа, хотя сравнительно поздно основанная (1615), но скоро выдвинувшаяся благодаря обилію научныхъ средствъ [1]) и оживленности сношеній между Кіевомъ и Москвой. И сами кіевляне скоро познакомили послѣднюю съ характеромъ своей школы и съ живыми представителями кіевской педагогики. Кіевское братство, прося царя Михаила Θеодоровича 17 янв. 1626 г. о пособіи на содержаніе своей школы, писало о послѣдней, что это ,,училище языка славянорусскаго, еллиногреческаго и прочихъ даскаловъ" они Божіей милостью устроили съ великимъ иждивеніемъ для православныхъ отрочатъ, чтобы они, ,,отъ чуждаго источника піюще и смертоносна яда западныя схизмы упившеся", не уклонились ,,къ мрачно-темнымъ римлянамъ" [2]). Въ этомъ же году въ Москву прибылъ и болѣе полугода провелъ Лаврентій Зизаній, бывшій учитель нѣсколькихъ западнорусскихъ школъ. Въ 1629 г. Москву посѣтилъ ,,спудей" (студентъ) кіевской школы Θеодоръ Максимовичъ [3]). Возможно, что тогда въ этой школѣ учились и великоруссы. По крайней мѣрѣ Θеодоръ ,,москаль", ,,уставникъ", былъ въ ней ок. 1630 г. учителемъ [4]). Въ 1637 г. въ Москву пріѣзжалъ за милостыней виленскій дидаскалъ, іером. Веніаминъ Севастьяновичъ [5]). Все это обусловливало все большее знакомство московскаго общества съ представителями кіевской учености и будило, наравнѣ съ книгами, интересъ къ тамошней наукѣ. Къ этому вели и новыя потребности церковной жизни въ Москвѣ, въ частности необходимость бороться съ все усиливавшимися инославными вліяніями. По своимъ переводнымъ трудамъ былъ извѣстенъ въ Москвѣ жившій въ Кіевѣ съ 1620 г. протосингелъ александрійскаго патріарха, святогорскій монахъ Іосифъ, посланный въ Кіевъ ,,и на Литву и на всю бѣлую Русь для науки и утвержденія вѣры христіанскіе" и для предохраненія православныхъ отъ пропаганды ,,люторскія". Онъ и лично былъ извѣстенъ въ Москвѣ, куда въ 1622 и 1630 гг. ѣздилъ за милостыней отъ лавры и отъ м. Іова и съ разными порученіями послѣдняго [6]). Когда онъ вновь явился туда въ

---

[1]) См. наши Западно-русскія школы, Казань, 1898.

[2]) Арх. Ю.-З. Р. I, VI, № CCXXIX. [3]) Бѣлгор. стола № 29, л. 242—243.

[4]) Голубевъ, С. Т. Исторія Кіевской дух. академіи, I (1886), 219 и прилож. 75 стр.

[5]) Греч. дѣла 7146, № 2.

[6]) Греч. дѣла 7130—7131, № 2. Малор. дѣла 1630, №№ 1. 6. Борьба школьныхъ вліяній въ до-петровской Руси—Харламповича, 86.

1632 г., правительство, искавшее предъ тѣмъ учителя на востокѣ, у п. Кирилла Лукариса, поручило ему „учити на учительномъ дворѣ малыхъ робятъ греческаго языка и грамотѣ" и кромѣ того — „переводить съ греческаго языка на словенскій книги на латинскія ереси" [1]). Узнавъ о томъ, п. Кириллъ благословилъ Іосифа на литературные труды и прислалъ нѣсколько полемическихъ книгъ противъ латинянъ [2]). Впрочемъ, скорая смерть Іосифа прекратила его дѣятельность,—дѣятельность литературную, ибо къ педагогической онъ не приступалъ [3]).

Іосифъ былъ грекъ, но появившійся въ Москвѣ изъ Кіева и отъ тамошняго митрополита, такъ что на него могли смотрѣть въ Москвѣ, какъ на представителя тамошней учености, тѣмъ болѣе, что въ западной Россіи онъ жилъ съ 1620 г. Въ 1640 г. для той же цѣли новый митрополитъ, Петръ Могила, выдвинулъ предъ московскимъ правительствомъ подлинныхъ малороссовъ...

4 марта 1640 г. въ Москву явился съ прошеніемъ къ царю о милостынѣ игуменъ кіевскаго братскаго монастыря Леонтій Андреевичъ Бронкевичъ. Просьба отъ братіи (отъ 29 янв.) перечисляла нужды церкви и училища. Училище братское—„греческое и словенское"—характеризовалось здѣсь, какъ оплотъ православія, ибо въ немъ „чада христіанъ православныхъ извыкаютъ во святыхъ писаніихъ въ соблюденіе святые благочестивые вѣры". Правда, братская школа не была обезпечена не только надлежащимъ содержаніемъ, но требовала и „учителевъ, тружающихся въ словѣ ученія",—былъ, слѣдовательно, и въ нихъ недостатокъ [4])... Отвѣтъ государя на челобитье старцевъ братскаго монастыря о школѣ не извѣстенъ,—повидимому, онъ былъ замолчанъ. Но не обойдена была молчаніемъ челобитная самого м. Петра, представленная чрезъ его намѣстника Игнатія Старушича 3 апрѣля. Въ ней Могила „паче всѣхъ прошеній своихъ, изряднѣе" билъ челомъ государю, чтобы онъ повелѣлъ въ царствующемъ своемъ градѣ „казною своею царскій монастырь соорудить, въ которомъ бы старцы и братія общежительнаго кіевскаго братскаго монастыря живучи", Бога молили о здравіи и благополучіи царской семьи „и дѣтей боярскихъ и простого чину грамотѣ греческой и словянской учили. Дѣло то Богу угодно будетъ и твоему царскому величеству честно, и во всякихъ странахъ преславно". Подобнымъ образомъ отъ кіевскаго митрополита получилъ „благообразныхъ иноковъ и добрѣ уче-

[1]) Греч. дѣла 7141, № 2. Сношенія Россіи съ востокомъ по дѣламъ церковнымъ, II, 5—7. 142. 143. Г. Сторожевъ думаетъ, что переводческая дѣятельность Іосифа была направлена противъ протестантовъ (Кіевская старина, XXVII: Іосифъ протосингелъ и его школа).

[2]) Каптеревъ, Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку въ XVI и XVII ст., 482 и прилож. 6—7.

[3]) Каптеревъ, О греко-латинскихъ школахъ въ Москвѣ въ XVII в. до открытія славяно-греко-латинской академіи (1889), 38.

[4]) А. Ю. и З. Р. III, № 20. Прошеніе представлено и „чтено государю" 5 марта.

ныхъ учителей“ волошскій государь [1]). Если царь московскій склонится къ этому прошенію о. митрополита кіевскаго, какъ „милосердый государь и свѣтило всему православному роду россійскому“, то Петръ Могила его волю вскорѣ исполнитъ „и старцовъ съ учителми пришлетъ“ [2]). Въ Москвѣ заинтересовались этимъ предложеніемъ м. Петра. Въ представленномъ царю докладѣ по содержанію разныхъ ходатайствъ митрополита и кіевскихъ монаховъ на первомъ планѣ стоитъ вопросъ объ устройствѣ учительнаго монастыря. „А гдѣ, въ которомъ городѣ такой монастырь устроить и котораго святого во имя, и того въ челобитной митрополича намѣстника имянно не написано. А по допросу митрополичь намѣстникъ сказалъ, что государь велѣлъ для такого дѣла устроить монастырь на Москвѣ, а которого святого во имя, о томъ де какъ онъ государь произволитъ; а кіевской де митрополитъ, по государеву указу, учителей къ Москвѣ пришлетъ и учнутъ де они жити на Москвѣ въ томъ учительномъ монастырѣ, которой на то устроенъ будетъ, и дѣтей малыхъ греческой и словенской грамотѣ учнутъ учити“ [3]). Сказаннымъ ограничиваются всѣ наши свѣдѣнія о попыткѣ м. Петра Могилы и напрасно нѣкоторые ученые заключающіяся въ приведенныхъ документальныхъ выдержкахъ историческія данныя перемѣшиваютъ съ своими догадками о смыслѣ его предложенія. Мы не знаемъ, откуда взялъ, напр., И. И. Малышевскій, что у Петра Могилы была мысль объ учрежденіи въ никольскомъ именно монастырѣ особаго братства ученыхъ монаховъ, не разъ поднимавшаяся потомъ въ сѣверной Руси [4]). Не правъ и Н. Ѳ. Мухинъ, увѣряющій, что Петръ Могила хотѣлъ устроить въ Москвѣ подворье братскаго монастыря, которое могло давать ему выгоды, и что „предначертанія Петра Могилы не нашли сочувствія у московскаго государя“ [5]). Что дѣло шло не о выгодахъ братскаго монастыря, видно изъ того, челобитная подана не братскимъ игуменомъ, тутъ же бывшимъ, а намѣстникомъ самого митрополита, и изъ содержанія ея ясно, что она имѣла идейный характеръ. А что принципіальное сочувствіе плану Могилы было высказано государемъ, сомнѣваться тоже не приходится [6]). Но почему дѣло не наладилось, не знаемъ. Быть можетъ, сообразили, что по челобитной игум. Леонтія самъ братскій монастырь нуждается въ учителяхъ. Можетъ быть, вспомнили, что за два года до того, при пере-

---

[1]) О волошскомъ училищѣ, которое строилъ въ 1637 г. тамошній митрополитъ на 300—400 чел.,—см. свидѣтельство казанца Вас. Гагары въ его Житіи и хожденіи (Сборн. Палест. общества, XI, вып. 3).

[2]) А. Ю. и З. Р. III, № 33: „Челобитная П. Могилы о построеніи въ Москвѣ монастыря для обученія дѣтей греческой и славянской грамотѣ“. Это собственно не челобитная митрополита, а докладъ Игнатія, передающій ея содержаніе.

[3]) А. Ю. и З. Р. III, № 44. [4]) Кіев. стар. т. X, 525.

[5]) Кіево-братскій училищный монастырь (Кіевъ, 1893), 75.

[6]) Въ виду этого отпадаетъ увѣреніе одного автора, что причиной неуспѣха просьбы Могилы было недовольство въ московскомъ обществѣ противъ иноземцевъ-кіевлянъ и что, въ частности, тому помѣшало некрасивое дѣло архіеп. Іосифа Курцевича (Христ. чт. 1890, II, 456, пр. 3).

ходѣ въ московское государство мгарскихъ и лубенскихъ монаховъ, однимъ изъ мотивовъ къ тому выставлялась наклонность Петра Могилы къ уніи...

Возникли ли тутъ какія сомнѣнія или практическія трудности, но только осуществленіе мысли Петра Могилы о пересадкѣ кіевской науки въ Москву задержалось на нѣсколько лѣтъ. Въ 1648 г. уже само московское правительство обратилось къ кіевскимъ ученымъ съ призывомъ на учено-педагогическую службу. Для идеи эти восемь лѣтъ не пропали даромъ. Напротивъ, все новыя воздѣйствія укрѣпляли московское правительство въ мысли о необходимости западнорусской науки въ формѣ и тамошней книги, которой не такъ давно прегражденъ былъ доступъ въ Москву, и южнорусскихъ или греческихъ учителей. Воздѣйствія эти шли и отъ южнорусскихъ, и отъ греческихъ выходцевъ и просителей милостыни, и отъ инославныхъ учителей, съ которыми пришлось, напр., столкнуться по дѣлу о сватовствѣ королевича Вольдемара. Научная несостоятельность русскихъ начетчиковъ въ этомъ спорѣ о вѣрѣ заставила невольно открыть пошире дверь западно-европейской наукѣ, но подъ православнымъ, такъ сказать, флагомъ [1]). Правительство даетъ доступъ прежде всего западнорусской книгѣ, которая является здѣсь и въ готовомъ видѣ, и въ перепечаткахъ, и въ рукописяхъ для напечатанія въ Москвѣ, и обращается въ такомъ большомъ количествѣ, что это становится извѣстно даже въ западной Европѣ [2]).

Въ 40-хъ годахъ, мы видѣли уже, возобновился старый обычай подношенія южнорусскихъ книгъ царю и другимъ высокопоставленнымъ лицамъ. Въ это же время нѣсколько западнорусскихъ книгъ переиздано въ Москвѣ. Это Славянская грамматика Мелетія Смотрицкаго (1648 г.; первое изданіе—1619 г.), Малый катехизисъ Петра Могилы (1648 г.; впервые изданъ 1645 г.) [3]). Нѣкоторыя изъ московскихъ изданій этого десятилѣтія воспроизвели въ большей или меньшей степени западнорусскія книги. Такъ, въ составъ Кирилловой книги 1644 г. вошли Казанье св. Кирилла іерусалимскаго Ст. Зизанія (1596 г.) и нѣкоторыя статьи изъ другихъ западнорусскихъ книгъ [4]). Въ Кормчей книгѣ 1649 г. 51-ая глава (о тайнѣ супружества) заимствована изъ Большого Требника Петра Могилы (1646). Наконецъ, напечатанная въ 1648 г. Книга о вѣрѣ является трудомъ южнорусскаго ученаго, составленнымъ хотя изъ напечатанныхъ ранѣе на югѣ статей, но едва ли не спеціально для Москвы, гдѣ какъ разъ нуждались въ полемическомъ противопротестантскомъ

---

[1]) Вліяніе этого дѣла на постановку на очередь вопроса о подъемѣ образовательныхъ средствъ въ Москвѣ констатировалъ еще въ XVIII в. неизвѣстный авторъ „Молотка на камень вѣры“ (Чистовичъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время, 402. Сменцовскій, Братья Лихуды, 391, пр. 3).

[2]) О томъ писалъ 8 марта 1650 г. изъ Вѣны Юрій Крижаничъ (Бѣлокуровъ С. А., Юрій Крижаничъ въ Россіи. Чтенія въ Моск. общ. ист. и др. росс. кн. 206, стр. 252).

[3]) Это Могилинское Собраніе короткой науки о артикулахъ вѣры, изданное въ Кіевѣ.

[4]) О составѣ Кирилловой книги, кромѣ старой монографіи А. Лилова (1858), см. Каптеревъ Н. Ѳ., П. Никонъ (1887, М.), 13—17, пр. 18.

сборникѣ [1]). Къ этому нужно прибавить новое документальное, но не выясненное указанie еще на какiя то два московскихъ изданiя западнорусскаго изготовленiя.

Мы сообщали въ своемъ мѣстѣ о прiѣздѣ въ Москву для милостыни бизюковскаго игумена Гедеона и кутеинскаго келаря Варнавы. Вотъ эти два лица чрезъ мѣсяцъ по прибытiи, 27 ноября 1647 г., подали государю челобитную, писанную Варнавой, но кромѣ него подписанную и на первомъ при томъ мѣстѣ Гедеономъ „зъ братiею". „Понеже всещедрый и всемилостивый Господь Богъ вложи въ христолюбивое и благоразсудительное всесвѣтлое царское сердце твое во еже напитати и возвеселити брашномъ духовнымъ во всей поднебесной обрѣтающихся православныхъ христiанъ во изданiи книгъ, зѣло душеполезныхъ, отъ моего смиренiя величеству всесвѣтлѣйшаго царствiя твоего подарены (хъ): зѣло великолѣпне благодаримъ пренеищетное и всесвятое милосердiе Вседержителя и умильно и повседневно молимъ, да подаруетъ и въ конецъ сему събытися. Но понеже суть нѣкая малѣйшая, требующая да будутъ приличнa отъ всесвятѣйшаго царствiя вашего изданiемъ: за повелѣнiемъ царскаго твоего величества въ первой книзѣ въ предисловiи, во второй аще требѣ ко всѣмъ главамъ стихи написати потщуся". Библiографiя не знаетъ московскихъ изданiй 1647—1648 гг., подходящихъ къ указаннымъ здѣсь примѣтамъ; мы не можемъ даже сказать, кто же авторъ ихъ—Гедеонъ или Варнава: коллективное прошенiе идетъ отъ авторовъ, говорящихъ о себѣ въ единственномъ числѣ... Въ дѣлѣ не сохранилось рѣшенiя правительства, хотя на другой пунктъ челобитной (о пропускѣ въ троице-сергiевъ монастырь на богомолье) оно отозвалось [2]).

Какъ ни часто привозились изъ-за рубежа книги „литовской печати", онѣ не могли сравниться по силѣ и глубинѣ влiянiя и по распространенности съ тѣми западнорусскими—цѣликомъ или въ частяхъ—сочиненiями, которыя выходили изъ-подъ московскаго типографскаго станка. Достаточно указать, что изъ 1163 экземпляровъ Кирилловой „книги", пущенныхъ въ продажу 13 мая 1644 г., къ концу мѣсяца было куплено

---

[1]) О составѣ Книги о вѣрѣ см. въ Чтенiяхъ Моск. общ. ист. и древн. росс. 1886, IV, статью Э. I. Калужняцкаго: Игумена Нафанаила „Книга о вѣрѣ", ея источники и значенiе въ исторiи южнорусской полемической литературы. Имя Нафанаила, какъ автора Книги о вѣрѣ, названо дiак. Θеодоромъ: „Сiя книга о вѣрѣ правой писана нѣкоимъ игуменомъ Нафанаиломъ благочестивымъ михайловскаго монастыря, на унiатское отступленiе" (Матерiалы для исторiи рус. раскола, VI, 143). Но такого игумена въ кiевскихъ михайловскихъ монастыряхъ (золотоверхомъ и выдубецкомъ) тогда не было, а авторъ книги указываетъ, что онъ жилъ при храмѣ Воздвиженiя. Дата собранiя — 1 мая 7152 (т. е. 1644). Ссылаясь на эти даты, анонимность автора отмѣчаетъ составитель „Оглавленiя книгъ, кто ихъ сложилъ" (§ 33. Чтенiя въ обществѣ ист. и древн. росс., 1846, I). А эта неизвѣстность имени автора тѣмъ болѣе знаменательна, что, по убѣжденiю акад. А. И. Соболевскаго, составителемъ „Оглавленiя" былъ кiевлянинъ, Епифанiй Славинецкiй (Переводная литература Моск. Руси, 437 и слѣд.).

[2]) Монастыр. дѣла 1648, № 4.

до 500 экз. и что въ декабрѣ 1649 г. оставалось только 42 экз. [1]). Книга о вѣрѣ, напечатанная въ 1200 экз., пущена была въ продажу 22 іюня 1648 г. и въ первый же день раскуплено было 118 экз., причемъ многіе, особенно духовные, брали по нѣскольку книгъ (6 авг. попъ Ѳеодоръ съ Лубянки взялъ 40 экз., соловецкій монастырь 20). Въ августѣ продано было свыше 500 книгъ, причемъ провинціальные покупатели не уступали столичнымъ въ интересѣ къ книгѣ [2]).

Печатаніе въ Москвѣ западнорусскихъ книгъ богословско-полемическаго и учебнаго характера было какъ бы исполненіемъ того совѣта, какой въ 1645—6 г. давалъ московскому правительству палеопатрасскій митрополитъ Ѳеофанъ, предлагавшій завести въ Москвѣ греческую типографію. Онъ же совѣтовалъ учредить училища для обученія дѣтей философіи и богословію на греческомъ языкѣ и на русскомъ и рекомендовалъ для того учителя кіевской коллегіи, греческаго архимандрита Венедикта, который однако не былъ оставленъ въ Москвѣ въ виду своего высокомѣрія [3]). Что правительство было лично противъ Венедикта, а не противъ грековъ вообще, показываетъ тотъ фактъ, что оно послѣ того искало учителей въ Греціи и охотно принимало ихъ (Арсеній грекъ въ 1649 г.). Но одновременно оно обратилось за научной помощью и къ болѣе близкому географически и по крови малороссійскому народу, частыя сношенія съ которымъ москвичей позволили указать даже по имени желательныхъ людей,—нужныхъ и для учительства и для переводовъ.

30 сент. 1648 г. ц. Алексѣй Михайловичъ обратился съ грамотой къ черниговскому епископу Зосимѣ [4]): „вѣдомо намъ, великому государю, нашему царскому величеству, учинилось, что учители священно-иноки Кирило Замойскій и Арсеній и Дамаскинъ Птицкій еллинскому языку навычны и съ еллинского языку на словенскую рѣчь перевести умѣютъ, и латинскую рѣчь достаточно знаютъ. А нашему царскому величеству

---

[1]) Архивъ типогр. библ. XVII ст., № 39 („Книга записная книжной продажи 151—158 г."), л. 75 и слѣд.; кн. 48, 262—267; кн. 57, л. 16. Ср. П. Ѳ. Николаевскій, Московскій печатный дворъ при п. Никонѣ,—Христ. чтеніе 1891, I, 149, пр. 1.

[2]) Арх. типогр. библ. XVII в., № 39, лл. 151—158, 548—558; кн. 47, лл. 115—129; кн. 57, л. 17. 342. Ср. Христ. чт. 1891, I, 149, пр. 1, и Бѣлокуровъ С. А., Арсеній Сухановъ, I, 173, пр. 11; 177—178.

[3]) М. Макарій, XI, 129—132.

[4]) Зосима Прокоповичъ былъ поставленъ въ черниговскіе епископы м. Исаіей Копинскимъ и при этомъ сдѣлался намѣстникомъ того кіево-михайловскаго монастыря, котораго настоятелемъ былъ Исаія. Когда же послѣдній былъ лишенъ настоятельства, удалился изъ михайловскаго монастыря въ кіево-печерскую лавру и Зосима (Голубевъ С. Т., Петръ Могила, II, 30, пр. 2). Въ лаврѣ Зосима состоялъ „блюстителемъ пещеры св. Антонія", почему иногда называется „пещернымъ". Но онъ продолжалъ считаться и писаться черниговскимъ епископомъ (Н. И. Петровъ, Протоколы совѣта Кіевской дух. академіи 1900, 437; см., напр., его подпись на документѣ 8 мая 1652 г. въ Приказныхъ дѣлахъ 1652, № 43). Государь обратился къ нему съ предложеніемъ прислать кого-нибудь изъ кіевскихъ ученыхъ за отсутствіемъ въ то время въ Кіевѣ м. Сильвестра, бывшаго въ Варшавѣ (Полн. собр. госуд. грам. III, № 136. Арх. Ю.-З. Р. I, IV, № 1).

таки люди годны". „И вамъ бы, епископу, тѣмъ намъ, великому государю, послужити, нашего царскаго жалованья къ себѣ поискати, приговорить и прислати къ намъ, великому государю, къ нашему царскому величеству, для справки библѣи греческие на словенскую рѣчь на время ис тѣхъ выше іменованныхъ учителей кто изъ нихъ похочетъ намъ, великому государю, послужити. И на Москвѣ у нашего царскаго величества побыти ему вольно по его воли и хотѣнью". Государь обѣщалъ наградить того, кто пріѣдетъ на его службу, и отпустить, когда захочетъ уѣхать, со всѣми людьми и съ животы „безо всякого задержанья и зацѣпки" [1]). Еп. Зосима, „получивъ грамоту Алексѣя Михайловича, (но) не располагая ни средствами, ни возможностью сейчасъ исполнить царскую волю, выжидалъ болѣе благопріятнаго времени и отвѣтилъ молчаніемъ". Такъ объясняютъ издатели царской грамоты къ нему [2]). Фактъ вѣренъ: еп. Зосима не отвѣтилъ ничѣмъ на царское обращеніе къ нему [3]). И объяснить его можно только физической или нравственной невозможностью для еп. Зосимы исполнить желаніе царя, а не нерасположеніемъ къ Москвѣ. Добрыя чувства его къ царю достаточно засвидѣтельствованы [4]).

Какъ бы то ни было, государь, не дождавшись отвѣта изъ Кіева, велѣлъ 14 мая 1649 г. послать вторично грамоту уже къ самому м. Сильвестру Коссову, причемъ въ ней объяснялось, что прежнее обращеніе къ еп. Зосимѣ вызвано было отлучкой его, митрополита, изъ Кіева. Новая грамота воспроизводитъ въ остальномъ первую, съ той разницей, что не упоминаетъ о Кириллѣ Замойскомъ и приглашаетъ для перевода Библіи Арсенія и Дамаскина Птицкаго—обоихъ (первая какъ будто говорила объ одномъ изъ названныхъ „учителей") [5]). Въ Кіевѣ тотчасъ же

---

[1]) Труды Черниговской ученой архивной комиссіи VIII (1911), 107. 108. Напечатанная здѣсь царская грамота имѣетъ дату: 7157 30 сент. Но въ предисловіи она невѣрно прочтена: 30 сент. 1649 г. Еще хуже въ Отчетѣ Комиссіи за 1909 г., стр. 19: 1 сент. 1649 г. Тамъ и тутъ вызываемые монахи названы „черниговскими учителями", очевидно потому, что грамота адресована „черниговскому" епископу. Но комиссіи самой извѣстно, что Зосима жилъ въ Кіевѣ (стр. 107, пр.). Можно только предположительно видѣть въ Кириллѣ Замойскомъ Кирилла Транквилліона, нѣкогда проповѣдывавшаго въ Замостьѣ и именовавшагося Замостскимъ (Западнорусскія школы, 386), а съ 1626 г. бывшаго черниговскимъ архимандритомъ. Правда, онъ былъ уніатскимъ архимандритомъ, но такъ какъ въ черниговской области „вся св. унія заключалась въ одной его особѣ", то принадлежность его къ чужой церкви могла быть забыта въ Москвѣ. Правда, онъ скончался уже въ 1646 г., но въ Москвѣ могли этого не знать, особенно если туда дошелъ только въ 1646 г. напечатанный сборникъ Кирилла Перло многоцѣнное. Но все это не болѣе какъ догадка, отъ которой мы откажемся, какъ только будетъ подставленъ другой Кириллъ подъ имя „Кирилла Замойскаго".

[2]) Труды Черн. арх. комиссіи, VIII, 107, пр.

[3]) Доказательство этого заключается между прочимъ въ томъ, что царская грамота осталась на югѣ Россіи, между тѣмъ она была „опасной", — съ ней долженъ былъ ѣхать въ Москву тотъ, кто пожелалъ бы.

[4]) А. Ю. и З. Р. X, № 16, IV.

[5]) Собр. госуд. грам. и договоровъ III, № 136 (id. П. С. З., I, № 7).

откликнулись на эту просьбу, но только избрали вмѣсто требуемаго Дамаскина старца Епифанія [1]). Уже 8 іюня братія богоявленскаго монастыря писала царю, что посылаетъ ему изъ своей среды Арсенія и Епифанія „въ служеніе, въ неже повелитъ“ государь, и съ ними, въ качествѣ провожатаго, учителя и проповѣдника священноинока Ѳеодосія, котораго просили не задержать и возвратить поскорѣе съ обильными дарами. Испрошеніе милостыни и было второй цѣлью посольства Ѳеодосія. Игуменъ Иннокентій Гизель съ братіей писали, что доселѣ не обращались за милостыней къ государю, извѣстному своими щедротами и въ Греціи и въ малой Россіи, потому, что ихъ училище, заведенное при братскомъ храмѣ м. Петромъ Могилой, имъ и содержалось. Но онъ скончался, погибли во время войны и другіе благодѣтели, и братство осиротѣло и оскудѣло. Между тѣмъ училище славянскаго, греческаго и латинскаго языковъ, учрежденное для назиданія въ благочестіи отроковъ, требуетъ поддержки [2])... Пользу кіевской школы для православія еще сильнѣе оттѣнилъ м. Сильвестръ въ своемъ письмѣ царю отъ 20 іюня. „Блаженные памяти митрополитъ киръ Петръ Могила“, писалъ онъ, „училища различныя, благочестіемъ сіяющая, къ наученію благочестивыхъ дѣтей зѣло полезная, благословеніемъ патріаршескимъ воздвиже, монастырь созда и братію благочестивыхъ инокъ, во всякомъ ученіи художествѣ обученыхъ, дѣлу ученія приличныхъ, церкви нашей восточной, въ православіи сущей, зѣло потребныхъ, избра“, „ихже ученіемъ мнози благороднiи отроцы, въ благочестіи обучившеся, возрастше, столпи непоколебиміи церкви явишася, отъ иновѣрныхъ церковь Христову своимъ премудрымъ препираніемъ защищающе“. Изъ числа учителей посылаются Арсеній и Епифаній—„ко всякому служенію, въ коемъ царское величество повелитъ себѣ служити“, и Ѳеодосій—съ молебнымъ прошеніемъ. Отъ себя митрополитъ просилъ царя не отринуть ихъ отъ своей милости и поскорѣе воротить Ѳеодосія [3]).

Изъ братскихъ учителей одинъ, имѣвшій представлять въ Москвѣ кіевскую науку, былъ преподаватель риторики (съ 1646 г.) іером. Ѳеодосій Василевичъ Баевскій [4]). Два другіе—Арсеній Сатановскій и Епифаній Славинецкій—были младшими учителями кіевской коллегіи [5]). Изъ этихъ лицъ всего интереснѣе Славинецкій. Но хотя о немъ имѣется моно-

---

[1]) Кто ихъ избралъ—неизвѣстно. М. Сильвестръ приписывалъ избраніе себѣ, братія богоявленскаго монастыря—себѣ, но и онъ и она умолчали о причинѣ замѣны Дамаскина Епифаніемъ (А. Ю. и З. Р. III, №№ 259. 261).

[2]) А. Ю. и З. Р. III, № 259.

[3]) А. Ю. и З. Р. III, № 261. Ср. № 262, — рекомендательную грамоту о кіевскихъ учителяхъ іерусалимскаго патріарха Паисія, случайно встрѣтившаго ихъ въ Путивлѣ, отъ 29 іюня.

[4]) Н. Ѳ. Мухинъ, о. с., 80 и слѣд. Н. И. Петровъ,—Тр. Кіев. дух. акад. 1895, VIII, 607—608.

[5]) Петровъ Н. И., ibid., 608.

графія г. Ив. Ротаря [1]), его прошлое мало разъяснено. Мы не знаемъ ни его происхожденія, ни другихъ важнѣйшихъ моментовъ его жизни. Попытки біографа освѣтить собственными догадками многое неясное въ жизни его героя не всегда могутъ быть одобрены и его домыслы должны быть оспариваемы. Такъ, не доказательно предположеніе г. Ротаря о бѣлорусскомъ происхожденіи Епифанія Славинецкаго. Ничѣмъ не доказано и время обученія его въ кіевской коллегіи и за границей „въ домогилинскій періодъ существованія братской школы" или „въ началѣ XVII в.", какъ еще ранѣе высказался м. Евгеній [2]). Постригся онъ въ печерскомъ монастырѣ, откуда и перешелъ на учебную службу въ братскій монастырь. Но это могло случиться не въ 1643 г., какъ предполагаетъ г. Ротарь, а нѣсколько позднѣе: связанный съ его именемъ Лексиконъ латинскій з калепина преложенный на словенски лѣта отъ созданія міра 7150 (1642) не обязательно обусловленъ его педагогической дѣятельностью, да теперь отрицаютъ и принадлежность его Епифанію Славинецкому [3]).

Съ царской грамотой м. Сильвестру посланъ былъ въ Кіевъ московскій торговый человѣкъ Порфирій Зеркальниковъ, который долженъ былъ и старцевъ привезти. Онъ и привезъ ихъ и съ ними четырехъ служекъ 12 іюля [4]). Чрезъ недѣлю по пріѣздѣ, 20 іюля, кіевскіе ученые были приняты государемъ, причемъ Ѳеодосій сказалъ ему на довольно чистомъ славянскомъ языкѣ рѣчь, интересную прежде всего по тѣмъ взглядамъ на московскаго государя, какіе установились въ малой Россіи. Ѳеодосій говорилъ о благодѣяніяхъ и добродѣтеляхъ Алексѣя Михайловича, наполняющихъ землю, объ его Давидовой кротости и ревности по вѣрѣ, равняющей его Константину вел. и Владиміру святому и знакомой не только въ Малороссіи, но и на Аѳонѣ и въ Палестинѣ. Только въ его царствѣ сіяетъ и распространяется вѣра, которая во всемъ мірѣ терпитъ гоненія, и если четыре патріархата непоколебимо еще стоятъ, то его благодѣяніемъ. Любопытна рѣчь Ѳеодосія и по тѣмъ чувствамъ почитанія и преданности царю м. Сильвестра, выразить которыя она должна была. Сильвестръ Коссовъ давно желалъ лично высказать ихъ, но не имѣлъ доселѣ ни возможности, ни времени, ни повода. Такой поводъ дала теперь царская грамота. „Съ радостью" отозвавшись на нее, митрополитъ не

---

[1]) Епифаній Славинецкій, литературный дѣятель XVII в.—Кіев. стар., т. 71 (1900).

[2]) См. нашу Борьбу школьныхъ вліяній въ до-петровской Руси (Кіевъ, 1902), 52—55.

[3]) Соболевскій А. И., Переводная литература московской Руси XIV — XVII вв. (Спб., 1903), 121.

[4]) А. Ю. и З. Р. III, № 263. Изъ служекъ двое — Мишка Ѳедоровъ и Герасимъ Семеновъ—„греченя", остальные—Гришка Ѳедоровъ и Сенка Андреевъ — вѣроятно малороссы.—О пріѣздѣ въ Москву Арсенія и Епифанія см. Малоросс. дѣла 1649 г. № 4, изъ котораго въ А. Ю. и З. Р. III, №№ 259, 261, 263, 264, 266, 267. Аскоченскій въ своемъ Кіевѣ (I, 166) говоритъ о пріѣздѣ съ Славинецкимъ и Сатановскимъ іеродіакона Ѳеофана, переведшаго послѣ Дезидерій и Тропникъ, но въ документахъ его имени нѣтъ.

только послалъ этихъ двухъ честныхъ старцевъ въ служеніе, какое угодно будетъ царю, „но и иннѣхъ, аще требе будетъ послать, не возбранитъ“. Сильвестръ чрезъ Θеодосія адресовалъ государю свой привѣтъ и земной поклонъ. Земно кланялся ораторъ и отъ своего игумена съ братіей и молилъ Бога о благополучіи и многолѣтствѣ царскомъ [1])...

Послѣ поѣздки кіевлянъ въ троицкую лавру на богомолье (2 авг. [2]), Θеодосій былъ отпущенъ 1 сентября домой съ царскимъ жалованьемъ м. Сильвестру (на 100 р. соболей) и братскому монастырю (200 р.). Послѣдній, какъ мы уже знаемъ, получилъ при этомъ проѣзжую грамоту для явки за милостыней въ шестой годъ. Пожалованъ былъ щедро на отъѣздѣ и самъ Θеодосій. Насколько высоко оцѣнило правительство его миссію и его званіе, видно изъ того, что онъ на пріѣздѣ получилъ 25 р. и сорокъ соболей въ 20 р. Но еще дороже оно оплатило появленіе въ Москвѣ старцевъ Епифанія и Арсенія, давъ каждому по 25 р. деньгами и по сороку соболей въ 30 р. [3]) Вмѣстѣ съ тѣмъ имъ были опредѣлены со дня пріѣзда поденныя питье (двѣ чарки вина добраго, по кружкѣ меду и по двѣ кружки пива добраго) и кормовыя деньги (по гривнѣ), а также дано по возу дровъ на недѣлю. Это содержаніе съ теченіемъ времени увеличилось. Въ 1652 г. Епифаній получалъ уже по 8 алт. съ копѣйкой или по полуполтинѣ въ день, съ каковымъ жалованьемъ оставался, кажется, до конца жизни [4]). Сначала (съ 21 іюня) онъ съ Арсеніемъ былъ помѣщенъ въ большомъ посольскомъ дворѣ, а потомъ переведенъ былъ въ чудовъ монастырь [5]).

Въ чудовомъ монастырѣ Епифаній Славинецкій жилъ почти безвыѣздно до своей смерти (1675). Въ 1650 г. онъ съ Арсеніемъ гостилъ въ амвросіевомъ дудинѣ монастырѣ [6]). Въ 1654 г. оставлялъ съ Дамаскинымъ Москву по случаю морового повѣтрія [7]). Арсеній, послѣ поѣздки въ дудинъ монастырь, уже лѣтомъ 1650 г. началъ проситься по своей „малопотребности“ и по домашнимъ обстоятельствамъ въ Кіевъ. Ему нужно было свидѣться съ братомъ, котораго онъ не видѣлъ 10 лѣтъ и котораго въ Путивлѣ не пропустили въ Москву для свиданія съ нимъ; не

---

[1]) Рѣчь Θеодосія—А. Ю. и З. Р., III, № 267.

[2]) А. Ю. и З. Р. III, № 266. [3]) А. Ю. и З. Р. III, № 267.

[4]) Размѣръ кормовыхъ денегъ Епифанія выясняется изъ множества дошедшихъ до насъ челобитныхъ, которыя ему приходилось подавать въ началѣ каждаго года съ напоминаніемъ о себѣ и съ просьбами о дачѣ кормовъ и впредь и разсѣянныхъ по дѣламъ московскихъ архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ и юстиціи.

[5]) Христ. чтеніе 1891, I, 169, прим. 2 (П. Θ. Николаевскій). Арсеній несомнѣнно осенью 1650 г. былъ уже въ чудовѣ (Малор. дѣла 1650—1651, № 3, л. 4—6). Епифаній появляется тамъ не позже 1657 г.

[6]) Хр. чт. 1891, I, 169, пр. 2. Въ одномъ слѣдственномъ дѣлѣ сохранилась такая фраза Голосова и Засѣцкаго: „говорятъ кіевляне: намъ бы до свѣтлаго воскресенія дожить, а то де чаемъ, что съ Москвы не поѣдемъ“ (Прик. дѣла 1650, № 31). Неизвѣстно, къ чему относились эти рѣчи „кіевлянъ“ (Епифанія съ Арсеніемъ?), къ ихъ поѣздкѣ въ дудинъ или, быть можетъ, къ возвращенію въ Кіевъ.

[7]) Малор. дѣла 1655, № 3. Вернулись они 22 янв. 1655 г. (Ср. Хр. чт. 1891, I, 169).

пропущенный въ Москву отецъ его умеръ уже отъ туги сердечной и отъ воли Божіей. Еще болѣе заботили Арсенія мать и двѣ сестры, томившіяся въ плѣну въ Крыму. Онъ хотѣлъ самъ ѣхать въ Крымъ, но потомъ рѣшилъ выписать въ Москву трехъ своихъ родственниковъ (Ивана Корецкаго и Георгія изъ Конотопа и Христофора Дуброву изъ Батурина), чтобы одного послать въ Крымъ, двухъ оставить при себѣ въ видѣ прислужниковъ. Но такъ какъ они долго не ѣхали въ Москву, то въ началѣ 1651 г. Арсеній испросилъ отпускъ въ Кіевъ и грамоты русскимъ посламъ въ Крыму о выкупѣ его родныхъ [1]). Вернулся онъ въ Москву „для царской потребы" только 7 марта 1652 г. Поселенъ былъ въ богоявленскомъ монастырѣ. Но лѣтомъ 1653 г. посланъ былъ за какія то вины въ сійскій монастырь подъ началъ [2]).

Дольше работалъ въ Москвѣ Дамаскинъ Птицкій. Дважды вызывавшійся въ Москву, онъ явился туда позже Арсенія и Епифанія. М. Сильвестръ Коссовъ въ грамотѣ царю отъ 22 ноября 1649 г. объяснялъ, что въ „препосланіи другихъ братій" (т. е. Дамаскина) въ іюлѣ припятствіемъ послужило его скорое отшествіе къ королю [3]). Мѣшали отправленію Дамаскина и монастырскія нужды. Но московское правительство настаивало на своемъ желаніи и 14 дек. 1650 г. Дамаскинъ былъ привезенъ изъ печерскаго монастыря старцемъ Маркомъ, который былъ за нимъ посланъ изъ Москвы [4]). Дамаскинъ жилъ, вѣроятно, въ чудовомъ монастырѣ и работалъ вмѣстѣ съ Епифаніемъ по меньшей мѣрѣ до конца 1656 г.: отъ 7 сент. этого года сохранился царскій указъ въ большой приходъ и въ новую четверть о дачѣ кіевскимъ чернымъ попамъ Епифанію и Дамаскину Птицкому жалованья на слѣдующій 165 год. [5]).

Но въ чемъ же состояла ихъ коронная служба, для чего собственно были выписаны изъ Кіева ученые старцы? Мы видѣли, что царскія грамоты 1648 и 1649 г. говорятъ о необходимости ихъ для перевода Библіи съ греческаго языка. Въ докладѣ о просьбахъ кіевскихъ монаховъ тоже говорится, что царь вызывалъ старцевъ „для справки библіи греческіе на словенскую рѣчь, на время" [6]). Въ отвѣтной грамотѣ царя м. Сильвестру сказано общо, что онъ прислалъ ихъ „для перевода книгъ греческихъ на русскій языкъ" [7]). Самъ Епифаній въ челобитной отъ января 1655 г. писалъ, что вызванъ царской грамотой изъ посольскаго приказа „для переводу латинскихъ и греческихъ книгъ" [8]). Но наряду съ этими опредѣленными и исключающими, повидимому, всякія другія цѣли свидѣтель-

---

[1]) Малорос. дѣла 1650—1651, № 3. А. Ю. и З. Р. III, № 330.

[2]) Малор. дѣла 1652—1653, № 16.

[3]) Статейный списокъ и пренія съ греками о вѣрѣ Арсенія Суханова. Прилож. № VI, 58—59.

[4]) Малор. дѣла 1650, № 8. А. Ю. и З. Р. III, № 312. Чтенія въ Моск. общ. ист. и древн. росс., кн. 224, IV, 34.

[5]) Приказныя дѣла 1656 г. № 20, л. 135.

[6]) А. Ю. и З. Р. III, № 267.

[7]) Малор. дѣла 1649 г., № 4, л. 59.

[8]) Малор. дѣла 1655, № 3, л. 1.

ствами встрѣчаются въ документахъ указанія, что кіевскіе старцы нужны были въ Москвѣ не только для перевода. Такъ, въ „докладѣ“ о пріѣздѣ кіевскихъ монаховъ сказано, что они явились „для риторского ученія“ [1]). „Для переводу съ библѣи греческіе на словенскую рѣчь и для риторскаго ученія“,—сообщается въ справкѣ въ другомъ мѣстѣ [2]). Въ принадлежавшемъ же п. Іоакиму сборникѣ словъ и другихъ поученій Епифанія [3]), а также въ исторической запискѣ старца Евѳимія о переводѣ Библіи [4]) сказано, что онъ былъ вызванъ „ради наученія славенороссійскаго народа дѣтей еллинскому наказанію“. Наконецъ, касательно этого вопроса имѣется свидѣтельство „Житія милостиваго мужа Ѳеодора, званіемъ Ртищева“. Приведемъ его цѣликомъ, такъ какъ доселѣ оно играло да и будетъ играть рѣшающую роль въ этомъ вопросѣ.

„Велію (же) той христоподражательный мужъ [5]) имѣ любовь ко святѣй и велицѣй лаврѣ Пресвятыя Владычицы нашея Богородици и Приснодѣвы Маріи печерской, яже въ Кіевѣ, въ ню же и милостыню не малу творяше. Отъ превосходящія же ко Богоматере любве и ея святыя печерскія обители въ царствующій градъ Москву братіямъ и инымъ тоя страны инокомъ немятежнаго упокоенія положи начало благо и соверши дѣло, памяти достойно. Ибо поискавъ, обрѣте мѣсто близь царствующаго града Москвы, отстояще двѣма поприщема, на брезѣ рѣки Москвы, въ горахъ, идѣ же бѣ церковь святого великомученика Андрея Стратилата, къ жительству иноческаго собранія потребно: еще же прилежаше и близь пути изъ града Кіева въ царствующій градъ лежащаго. За благоволеніемъ царскимъ и за благословеніемъ свят. патріарха Іосифа, устрои на томъ мѣстѣ монастырь, во имя Преображенія Господа и Бога и Спаса нашего І. Христа; и въ потребная того монастыря отъ своего имѣнія даяше нещадно. Въ онь же на житіе призва изъ Кіева отъ святыя лавры печерскія и изъ межигорскаго и изъ иныхъ малороссійскихъ монастырей иноковъ, числомъ тридесять, въ житіи и чинѣ и во чтеніи и пѣніи церковномъ и келейномъ правилѣ изрядныхъ: и избра тому монастырю игумена, мужа добродѣтельми украшенна, именемъ Досиѳея. Еще же призва отъ Кіева, изъ св. лавры печерскія, священно-монаха Епифанія, мужа мудраго, и въ языцѣ

---

[1]) Малор. дѣла 1649, № 4, л. 37.

[2]) Малор. дѣла 1652, № 1, л. 2. А. Ю. и З. Р. III, № 330.

[3]) Труды кіев. дух. акад. 1861, II, 409, пр. I. Ср. Остенъ (Казань, 1865), 70.

[4]) М. Евгеній, Словарь писателей дух. чина, I, 178.

[5]) Ѳ. Мих. Ртищевъ. Онъ род. въ апр. 1625 г. (или, по Н. Н. Кашкину, 1626 г.— Родословныя развѣдки, I (1912), 402). Въ 1645 г. онъ получилъ должность „стряпчаго у крюка“, въ 1648 г.—царскаго постельничьяго; 6 янв. 1656 г. сдѣлался окольничьимъ, съ 1657 г. управлялъ дворцовымъ суднымъ приказомъ, а можетъ быть и приказомъ большого дворца и выдѣлившагося изъ него тайнаго приказа. При этихъ должностяхъ былъ и дворецкимъ. Въ 1661—1663 г.г. завѣдывалъ приказомъ лифляндскихъ дѣлъ, въ 1662—1664 г.—большого дворца, сконч. 21 іюня 1673 г. (Козловскій И. И., Ѳ. М. Ртищевъ. Историко-біографическое изслѣдованіе (Кіевъ, 1906), 28, 29, 31—34, 36. Ср. Родосл. развѣдки, I, 402 и слѣд).

славенскомъ и греческомъ и во иныхъ изящнаго: къ сему же и другихъ иноковъ, во ученіи извѣстныхъ, да предадятъ ученіе грамматики славенской и греческой, даже до реторики и философіи, хотящимъ тому ученію внимати. И за его благимъ потщаніемъ, тіи иноцы отъ греческаго языка на славенскій многи душеполезныя книги преведоша. Епифаній же, за его же прошеніемъ, многимъ трудомъ и тщаніемъ сочини книгу Лексиконъ, рѣченіи языка славенска и греческа, и со инѣми языки, въ наученіе и во уразумѣніе учащимся потребный". Съ этими то „мудрыми и божественнаго писанія изящными" мужами „сей любомудрія рачитель Ѳеодоръ" „въ любезномъ ему бесѣдованіи иногда цѣлыя нощи бодростнѣ" препровождалъ [1]).

„Свидѣтельство" Житія, не смотря на свою неопредѣленность, доселѣ считалось рѣшающимъ въ вопросахъ не только о вызовѣ Епифанія Славинецкаго, но и объ учрежденіи такъ называемой ртищевской школы и до послѣдняго времени на немъ утверждались всѣ наши ученые, только они по разному комбинировали заключающіяся въ немъ данныя. Житіе Ртищева содержитъ собственно два показанія: а) объ основаніи ртищевскаго андреевскаго монастыря и о заселеніи его 30-ю малороссійскими монахами, искусными въ чтеніи, пѣніи и вообще въ монашескомъ дѣланіи, и б) о вызовѣ сверхъ того („еще же", „къ сему же") ученыхъ иноковъ во главѣ съ Епифаніемъ для учительства и перевода книгъ. Обычно ученые, сливая оба момента, количество всѣхъ вызванныхъ Ртищевымъ малороссійскихъ иноковъ опредѣляли тридцатью и всѣхъ ихъ считали учеными монахами, включая въ это число и Славинецкаго. Его называли ректоромъ основанной Ртищевымъ послѣ 14 мая 1649 г. школы, управлявшимъ ею до 1652 г., когда онъ взятъ былъ въ ректоры училища, открытаго п. Никономъ. Длинный рядъ этихъ ученыхъ начинается едва ли не съ м. Евгенія [2]). и, захватывая С. М. Соловьева, Н. И. Костомарова [3]) и В. О. Ключевскаго, доходитъ до нашихъ дней [4]).

---

[1]) Козловскій, Ѳ. М. Ртищевъ, 157—158. Г. Козловскій перепечаталъ цѣликомъ „Житіе" въ приложеніи къ своему изслѣдованію (155—168), такъ какъ впервые оно было издано въ Древней Россійской Вивліоѳикѣ (томъ XVIII, 1791 г.) не совсѣмъ исправно. Оба изданія сдѣланы по списку, находящемуся въ сборникѣ московской синодальной библіотеки № 716. Другой списокъ—въ архивѣ Кашкиныхъ въ Импер. академіи наукъ. (Родословныя развѣдки Н. Н. Кашкина, I, 402).

[2]) Словарь писателей дух. чина, I, 172—173.

[3]) Впрочемъ Костомаровъ въ своей Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей, II, ч. 1, изд. 4 (1895), 387, пр. 2, такъ видоизмѣняетъ общее утвержденіе: „число прибывшихъ съ Епифаніемъ монаховъ точно неизвѣстно, но впослѣдствіи количество работавшихъ подъ его руководствомъ ученыхъ тружениковъ простиралось до 30 ч., считая и великоруссовъ. Разные оттѣнки въ изложеніи этого мнѣнія, даже въ цифрѣ ученыхъ монаховъ, попадаются и у другихъ ученыхъ этой категоріи. Такъ А. Андріяшевъ говоритъ о 10 ученыхъ монахахъ, вызванныхъ Ртищевымъ изъ Кіева въ 1649 г. вмѣстѣ съ Епифаніемъ (Кіевскіе просвѣтители XVII в. въ Москвѣ,—Кіевскій народный календарь (мѣсяцесловъ) на 1889 г., стр. 61).

[4]) См. напр. утвержденіе г. Протасьева въ Богосл. вѣстникѣ 1912, X, 385.

Позднѣе, когда открылось, что Епифаній Славинецкій былъ вызванъ не Ртищевымъ, а царемъ, и поселился не въ андреевскомъ монастырѣ, а въ большомъ посольскомъ дворѣ, откуда и взятъ былъ въ чудовъ монастырь,—то пришлось выкинуть его изъ счета. Но такъ какъ показанію Житія все же придавалась прежняя степень вѣры, то нужно было согласовать его какъ-нибудь съ найденными документальными данными. М. Макарій представилъ дѣло такъ, что „царскій постельничій Ѳ. М. Ртищевъ, еще до отправленія царемъ письма къ м. Сильвестру Коссову, построилъ въ двухъ верстахъ отъ Москвы, по кіевской дорогѣ, близъ церкви св. Андрея Стратилата, монастырь точно такой, какого желалъ нѣкогда Петръ Могила. И благодаря, безъ сомнѣнія, вліянію царскаго письма, посланнаго въ Кіевъ, Ртищевъ успѣлъ еще въ томъ же 1649 г. вызвать въ свой монастырь на жительство изъ малоросійскихъ обителей до 30 ученыхъ монаховъ, которые „немедленно открыли свое обученіе для всѣхъ желающихъ", причемъ первымъ ихъ ученикомъ былъ самъ Ртищевъ, проводившій цѣлыя ночи въ бесѣдахъ съ старцами и въ изученіи греческой грамматики [1]). Такимъ образомъ, м. Макарій умолчалъ, говоря о Ртищевѣ, о Славинецкомъ и призналъ одновременными вызовы малороссійскихъ монаховъ царемъ и его юнымъ постельничимъ [2]). Впослѣдствіи наука склонилась къ тому, чтобы считать ртищевскій вызовъ малороссійскихъ монаховъ совершившимся даже ранѣе правительственнаго,—и такое представленіе дѣла является, по словамъ г. Ротаря, „прочно теперь установившимся" мнѣніемъ [3]). Его высказали уже А. В. Горскій и К. Невоструевъ [4]). Держались или и держатся его Н. Ѳ. Каптеревъ [5]), Е. Е. Голубинскій [6]), В. О. Эйнгорнъ [7]), М. Сменцовскій [8]), К. Харламповичъ [9]), Н. Н. Кашкинъ [10]), особенно В. Н. Сторожевъ, Ив. Ротарь, И. И. Козловскій. На аргументаціи трехъ послѣднихъ мы остановимся здѣсь, потому что ихъ изложеніемъ исторіи вызововъ кіевскихъ ученыхъ и ихъ доводами закрѣпляется, казалось бы, окончательно данное представленіе дѣла и въ то же время они даютъ отправной пунктъ для критическаго отношенія къ такому пониманію хода сношеній съ Кіевомъ.

---

[1]) Исторія русской церкви, XI, 133—134; ср. XII, 51.

[2]) Объ одновременности вызововъ кіевскихъ монаховъ царемъ и Ртищевымъ говоритъ и С. Ѳ. Платоновъ (Лекціи по русской исторіи, изд. 5 (1907), 342).

[3]) Кіев. старина, т. 71, стр. 16.

[4]) Описаніе рукописей синод. библіотеки, II, 3, № 291.

[5]) Прав. обозр. 1887, I, 163; ср. Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ, I (1909), 18. 72.

[6]) Богосл. вѣстн. 1892, I, 285.

[7]) Чтенія въ Моск. общ. ист. и др. росс. 1893, II, 57.

[8]) Братья Лихуды (1899), 18.

[9]) Борьба школьныхъ вліяній, 1902, 92—95. Но его же Ртищевская школа (Богосл. вѣстн. 1913, май) устанавливаетъ другой взглядъ.

[10]) Родословныя развѣдки; I (1912), 413.